

Критерий, знание, истина

А.М. ГАГИНСКИЙ

Статья посвящена анализу ключевых понятий эпистемологии, таких, как критерий, знание, истина. Автор ставит своей задачей дифференцировать значения указанных терминов, что поможет решить некоторые трудности, связанные с пониманием истины, а также пролить свет на природу знания. Показано, что корреспондентная теория приводит к тому, что истина подменяется различными критериями, необходимыми для процесса познания, но неспособными дать верное представление о самой истине. Кроме того, данная теория приводит к контаминации понятий «истина» и «знание», что в свою очередь создает неразрешимые трудности для раскрытия их значений.

Ключевые слова: истина, знание, критерий, догадка, Геттиер, бытие, мышление.

Критерий истины и истина критерия. Выражение «критерий истины» впервые встречается у Диогена Лаэртского при описании философии Эпикура¹. И хотя предпосылки для развития данной идеи можно найти уже у Парменида и Протагора, весьма примечательно, что широкое распространение она получает только в эллинистический период, т.е. после того, как была оформле-

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 405. Разбор этого вопроса см.: Striker G. Κοιτῶσιον τῆς ἀληθείας // G. Striker. Essays on Hellenistic Epistemology and Ethics. Cambridge ; N.Y., 1996. P. 27–31.

на классическая теория истины, сформулированная Платоном и Аристотелем: «Тот, кто говорит о сущем, как есть, говорит истинное, а кто, как не есть, – ложное»²; «высказывание... сущее есть и не-сущее не есть – истинное»³. Такое понимание истины, по-видимому, было предметом обсуждения в платоновской Академии. Так, Карнеад (II в. до н.э.), глава скептической Академии, полагал, что представление является «истинным, когда оно согласно (σύμφωνος) с представленным, и ложным, когда несогласно (διάφωνος)»⁴. Греческое σύμφωνος означает: «созвучный, согласный, соответствующий». По-видимому, это первая эксплицитная формулировка корреспондентной теории истины⁵.

Однако эта теория ничего не говорит о том, каким образом отличить соответствующее сущему высказывание от несоответствующего. Очевидно, что два человека могут придерживаться противоположных взглядов и каждый может настаивать на том, что именно его мнение истинно. В таком случае классическая концепция истины оказывается весьма ограниченной для теории познания, ибо она фиксирует лишь некий конечный результат, но ничего не говорит о способе его достижения. Отсюда и возникает идея критерия истины, т.е. такого средства, которое дает возможность достигнуть конечного результата, установить истинность какого-либо мнения. Секст Эмпирик, например, будет называть это «критерием существования», он говорит, что критерий «это то, пользуясь чем, мы одно считаем существующим, другое – несуществующим, и вот это считаем установленным истинно, а вот это – ложно... В общем смысле это всякое мерило восприятия»⁶. С тех пор споры велись уже не о самой истине, а скорее об ее критерии: стоики предлагали свои критерии, эпикурейцы – свои, а скептики их отрицали. Позднее в качестве критерия предлагались практика, верификация, фальсификация, сюда же следует отнести и такие критерии, которые в какой-то момент стали отождествляться с самой истиной: непротиворечивость, польза, ясность и отчетливость, а также конвенциональность. По существу это лишь *conditio sine qua*

² Plato. *Cratylus* 385b // *Platonis opera* ; ed. J. Burnet. Oxford : Clarendon Press, 1967. Vol. 1.

³ Aristoteles. *Metaphysica*. 1011b // *Aristotle's metaphysics* ; ed. W.D. Ross. Oxford : Clarendon Press, 1970. Vol. 1.

⁴ Данное определение приводит Секст Эмпирик: *Sextus Empiricus. Adversus mathematicos*. VII. 168–169 // *Sexti Empirici opera* ; ed. H. Mutschmann. Leipzig, 1914. Vol. 2. P. 41.

⁵ В отечественной литературе попадаются ссылки на приведенный выше фрагмент из диалога «Кратил» (385b), однако в греческом тексте понятие «соответствие», являющееся центральным для корреспондентной теории, отсутствует. Термин σύμφωνος встречается далее в «Кратиле» (395e), однако в совершенно ином контексте, не связанном с теорией истины.

⁶ Секст Эмпирик. Против ученых. VII. 29, 31 // Секст Эмпирик. Соч. В 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 116 (перев. А.Ф. Лосева).

поп, определенные требования, на основании которых (чаще всего по отдельности, редко – взятых вместе) высказывание или теория приобретает статус истинной, т.е. соответствующей сущему, или, как стали говорить позднее, реальности.

Отсюда можно видеть, что существует базовая концепция – классическая, на которую посредством идеи критерия надстраиваются альтернативные теории истины, которые, однако, истинами по своей природе не являются. Внутренняя логика развития этого процесса такова: (1) устанавливается, что истинна та мысль, которая соответствует реальности, после чего (2) встает вопрос о том, как узнать, что соответствует реальности, а что нет; для его решения (3) привлекается определенное мерило, или критерий, который выступает гарантом связи мысли и реальности, после чего (4) начинаются споры о том, что такое критерий, и, наконец, (5) важнейшие критерии отождествляются с истиной – так появляются когерентная, прагматистская и некоторые другие концепции истины. В самом деле, минимальное требование к любой научной теории состоит в том, чтобы она не противоречила самой себе, т.е. чтобы уже принятые положения согласовывались с новыми. Педалирование этого простого требования приводит к тому, что из вспомогательного средства оно возводится в ранг истины самой по себе. Так же обстоит дело и с прагматистской концепцией: если на определенном этапе развития научной теории не представляется возможным выяснить степень ее соответствия реальности, то вполне разумно, что в таком случае следует руководствоваться прагматическими соображениями. Однако это не означает, что прагматизм является истиной в последней инстанции, поскольку при появлении новых данных, которые позволят уточнить или скорректировать теорию, прагматизм снова превратится в средство, которое лишь помогает не сбиться с пути при выборе неопределенных альтернатив.

Критерии отнюдь не случайно стали отождествляться с истиной. Предполагается, что критерий истины – это некая мерка, которой можно *проверить соответствие реальности*. Но ведь это означает, что допускается нечто более истинное, чем истина! Ибо истина и есть соответствие реальности. Значит, условие познания истины, критерий, берется здесь в абсолютном смысле, в результате чего критерию оказывается больше доверия, чем тому, что изначально именовалось истиной. Такой авторитет критерия вырастает из эпистемологической недостаточности классической теории истины, которая, как было сказано выше, фиксирует (онтологический) результат, но ничего не говорит о (гносеологическом) способе его достижения. Этот недостаток и призваны восполнить дополнительные критерии. Тем не менее мы остаемся свободны в выборе критерия, а это приводит к разногласиям и противоречиям, так что в какой-то момент решающей может оказаться только конвенция (еще один критерий, претендующий на звание истины). Если же рассмотреть семантический аспект

классической теории, то опять-таки совершенно непонятно, в каком случае может быть проведена процедура раскавычивания, а в каком нет. Здесь опять требуется внешний критерий, а значит, мы снова возвращаемся к поиску того, что обеспечит истинность раскавычивания и тем самым станет истиннее истинного в его классическом определении. В этой роли могут выступать когеренция, прагматизм, конвенциональность и многое другое, что помогает прийти к положительному *результату*. Поэтому условия истинности неявным образом могут занимать место самой истины (что, впрочем, не отменяет ошибки слишком узкого определения).

Таким образом, сама по себе идея критерия истины есть *contradictio in adjecto*. У истины не может быть никакого критерия, так как нет ничего, что было бы истиннее истины. Критерий нужен не истине, а претендующему на истинность мнению, иначе говоря, критерий нужен познанию, а не знанию. Например, известный тезис гласит: «практика – критерий истины». Возникает вопрос, в чем истинность самой практики? Ведь все, что в практике может служить критерием, есть именно элементы ее истинности. Практика выступает критерием потому, что она берется как нечто первичное и уже известное, с которым сверяется пока еще неизведанное, т.е. как знание, на которое опирается познание. По существу это не что иное, как когеренция – требование того, чтобы новые данные согласовывались с уже имеющимися. Однако область известного (социальная память) перманентно увеличивается, а потому практика оказывается чрезвычайно размытым критерием. Например, в Средние века практика со всей очевидностью подтверждала геоцентрическую модель Солнечной системы, однако с приходом Нового времени она стала подтверждать модель противоположную – гелиоцентрическую. Но проблема здесь даже не в развитии научных практик, а скорее в том, что практика не касается самого существа истины. Практика – не критерий, а результат истины, она возможна благодаря истине и вторична по отношению к ней, поскольку возможность любой практики обусловлена тем, что дело обстоит так и не иначе (мысль совпадает с предметом, она непротиворечива и т.д.). Поэтому, строго говоря, допустимо выражение «критерий истинности высказывания», но не «критерий истины», хотя последнее и встречается повсеместно⁷. Критерий – это всякий раз критерий познания, а не истины. Можно говорить о критерии истинности суждения, высказывания или мнения, но бессмысленно спрашивать о *критерии истины истины* или измерять истинность истины. Ибо истина истинна по определению и никаким критерием невозможно сделать ее истинной более или менее.

⁷ Уже Б. Расселл обратил внимание на необходимость различия истины и ее критерия. См.: *Russell B. William James's Conception of Truth* // B. Russell. *Philosophical Essays*. N.Y., 1996. P. 120–121.

Итак, выражение «критерий истины» является внутренне противоречивым, поскольку предполагает нечто более истинное, чем истина. Корректным будет высказывание «критерий истинности», предполагающее критерий истинности утверждения (суждения, мнения, мысли), но при этом утверждение может быть истинным, но не может быть истиной. Например, утверждение «металлы электропроводны» – истинно, но не истина, ибо истина не сводится к электропроводности металлов. Таким образом, все критерии относятся не к истине, а к процессу ее *познания*, этого средства достижения истины, которая понимается как шаблон соответствия мысли и действительности. Отсюда ясно, что идея критерия истины, основанная на классической теории, предполагает, что истина понимается как некое знание, которое нужно проверить, подтвердить, а потому даже и не знание, а мнение, которое благодаря критерию обретает статус знания.

Истинное знание и знание истины. Понятия истины и знания в научной литературе чрезвычайно близки, точнее говоря, истина понимается как некий род знания⁸. Такое положение дел отнюдь не случайно. Классическая теория обеспечивает истинное мнение, которое выражается в утверждении, прошедшем проверку (обоснованное) критерием, и, таким образом, больше похожа на знание, чем на истину, поскольку знание – это истинное мнение. Последнее определение нуждается в уточнении, поэтому, прежде чем продолжить, следует остановиться на допустимости такого определения.

В своей известной статье Э. Геттиер показал, что определение знания как истинного мнения не является достаточным⁹. Его примеры хорошо известны, поэтому я не буду их пересказывать. Отмечу только, что первый пример, касающийся Смита и Джонса, некорректен, поскольку речь в нем идет о случайном будущем событии (устройство на работу), которое в настоящий момент не может быть ни истинным, ни ложным¹⁰, а следовательно, вообще не может быть знанием¹¹. Второй пример Геттиера лишен недостатков первого и вносит весьма важное уточнение: знание следует отличать от *догадки*. Правда, сам

⁸ Например: «О научной истине недостаточно сказать, что она есть знание, соответствующее действительности. Это – знание, соответствующее фундаментальным аспектам действительности» (Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977. С. 3); «Истина – ...идеал знания и способ его достижения (обоснования)» (Касавин И.Т. Истина // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 323).

⁹ См.: Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. Oxford University Press, 1963. Vol. 23, № 6. P. 121–123.

¹⁰ См. по этому поводу: Лукасевич Я. О детерминизме // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М., 1999. С. 179–198 («проблему Геттиера» польский логик, разумеется, не обсуждал).

¹¹ К этому можно добавить, что одной из посылок первого примера Геттиера является намеренная ложь, а потому этот пример нельзя признать вполне корректным. См.: Никифоров А.Л. Анализ понятия знания: подходы и проблемы // Эпистемология & философия науки. М., 2009. № 3. С. 61–73; Ольховиков Г.К. Знание как истинное и обоснованное мнение: как обезвредить контрпримеры // Логос. 2009. № 2 (70). С. 44–53.

Геттиер не употребляет это слово, но смысл его второго примера состоит именно в этом: у человека может быть несколько предположений, одно из которых соответствует действительности, но сам человек не знает, какое именно из его предположений истинно. Такая ситуация вносит элемент случайности и есть не что иное, как *догадка*¹², которую можно определить как случайно истинное мнение. Разумеется, у истинного мнения могут быть основания, однако этого еще не достаточно для того, чтобы считаться знанием, что и показал Геттиер.

Между тем здесь можно сделать еще одно уточнение. В выражении «S is justified in believing that P» слово justified (букв. оправданное) может пониматься и как «основание» полагать, и как «обоснованно» полагать¹³. Возможно, имеет смысл развести понятия «основание» и «обоснование», которые подразумеваются в justified, чтобы уточнить термин «знание». Смит, *не зная точно, догадывается*, где Браун может быть (второй пример Геттиера), т.е. среди ошибочных предположений имеет место и истинное. Несомненно, у Смита есть *основания* для предположений, однако он не может *обосновать* истинность одного из них. По условиям второго примера, Браун может быть в Бостоне, Барселоне или Брест-Литовске, но Смит только предполагает (гадает) и не может *знать*, где Браун на самом деле. Иными словами, Смит строит предположения, но не может предпочесть одно из них другому, а значит, истинное предположение может быть *обосновано* не больше, чем ложное. И поскольку Смит затрудняется отличить истинное предположение от ложного, то напрашивается вывод, что Смит обладает догадкой, истинность которой он не может обосновать¹⁴, вследствие чего она не является знанием.

Итак, Смит *не знает*, какое из его предположений соответствует действительности, ввиду чего даже его верная догадка не может быть признана *знанием*. Поэтому, учитывая различие догадки и знания, определение знания как истинного *обоснованного* мнения пока что мож-

¹² В смысле гадать, угадать, а не осознать.

¹³ Э. Геттиер употребляет это выражение в том же смысле, что и «S имеет достаточное основание для P» (S has adequate evidence for P), а также «S имеет право быть уверенным, что P истинно» (S has the right to be sure that P is true) (Gettier E. Op. cit. P. 121). Примечательно, что оба варианта: «основание полагать» и «обоснованно полагать» используются в переводе Т.Н. Зелкиной при передаче justified. См.: Геттиер Э. Является ли знанием истинное и обоснованное мнение? // Аналитическая философия: становление и развитие: антология. М., 1998. С. 231–233.

¹⁴ Обоснование определяется следующим образом: «Обоснование – процесс подбора аргументов, с помощью которых можно доказать истинность утверждений, высказываемых относительно некоторого положения дел в мире» (Гусев С.С. Обоснование // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 637); «Обоснование – способ убеждения кого-либо в чем-либо» (Новосёлов В.В. Обоснование // Там же. С. 638). В данном случае Смит не обладает обоснованным мнением, потому что не может ни доказать истинность одного из предположений, ни даже убедить самого себя в том, в каком именно из городов находится Браун. Обоснованное мнение не может быть случайным, так как обоснованное значит как минимум: мне известно, почему оно истинное, или: мне известно, что именно оно соответствует действительности.

но считать достаточным. Впрочем, данное определение не учитывает хронологической поправки, необходимой по причине развития науки, поэтому «обоснованный» – значит, в том числе, соответствующий научным требованиям своего времени. К примеру, «Альмагест» Птолемея долгое время соответствовал предъявляемым к нему требованиям, и потому геоцентризм заслуженно считался научной теорией, как и в свое время теории эфира и теплорода. Отсюда вытекает необходимость различия научности и истинности, ибо первая относится к усложняющейся форме знаний, а вторая к их соответствию действительности. Теперь можно вернуться к вопросу о соотношении истины и знания.

Следствием классической теории является контаминация этих понятий: истина понимается как некий (идеальный) род знания и, наоборот, знание осмысливается тем же образом, что и истина. Вот два характерных примера. В.П. Филатов определяет знание как «соответствующее реальному положению дел, оправданное фактами и рациональными аргументами убеждение субъекта»¹⁵; А.Л. Никифоров пишет так: «Знание есть истинная мысль, т.е. мысль, соответствующая своему предмету»¹⁶. В первом случае знание понимается как убеждение, соответствующее реальности, во втором как соответствующая своему предмету мысль. Но не значит ли это, что знанию присваивается определение истины, или, быть может, изначально за истину сочли то, что следовало бы именовать только знанием? Или в чем тогда вообще различие истины и знания?

Действительно, на каком основании мысль, соответствующую своему предмету, считать истиной, а не знанием? Если моя мысль дает верное представление о предмете, то я обретаю знание, а не понимание природы истины: поняв, что дважды два равно четырем, я получил конкретное знание, а не понимание истины самой по себе. Другими словами, я понимаю, что моя мысль *в данном случае* соответствует действительности, а это и есть знание. В том же случае, когда мысль предмету не соответствует, имеет место заблуждение. Это можно выразить следующим образом:

знание – соответствие; мнение – неопределенность; заблуждение – несоответствие

На это, впрочем, можно ответить, что нужно различать объем понятия и его содержание. А именно, частный случай соответствия – это знание, тогда как общий принцип соответствия – истина. Отсюда частный случай истины (истинность) будет значить конкретное знание, а в целом – это истина вообще, совокупность всех знаний.

¹⁵ Филатов В.П. Обсуждаем статью «Знание» // Эпистемология & философия науки. М., 2004. № 1. С. 135.

¹⁶ Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании; отв. ред. А.Л. Никифоров. М., 2008. С. 12.

Однако у такого подхода есть серьезные недостатки. Понимание истины как знания приводит к опредмечиванию истины. Совершенно типичным является, например, высказывание: «то, что дважды два равно четырем, – истина». Но подобно тому как число – это не число баранов или чего угодно другого, так и истина не сводится к истинности таблицы умножения. Причины опредмечивания (реификации) истины достаточно очевидны. Сознание интенционально, оно всегда направлено на что-то, соответственно знание – это мысль, которая совпадает со своим предметом, т.е. направлена на предмет (этим предметом может быть и что-то внешнее, и она сама). С самого рождения человек взаимодействует с окружающим миром, поэтому знание проявляется прежде всего как знание вещей, событий и т.п. Соответственно истина как знание, а знание как предметность приводит к пониманию истины как некоего рода предметности.

Но если подходить к вопросу более строго, то сказать, например, что снег бел, еще не значит сказать (всю) истину, а лишь сделать истинное высказывание. Когда Т.В. Васильева переводит определение истины в «Кратиле», она допускает три ошибки, очевидно, под влиянием средневекового *adaequatio rei et intellectus*: во-первых, переводит «сущее» как «вещи», во-вторых, вводит понятие соответствия, которого у Платона еще нет, в-третьих, переводит прилагательное истинное (*ἀληθής*) существительным истина¹⁷. И это даже не столько вина переводчика, сколько общая примета времени: значения понятий «истина» и «знание» фактически отождествляются, а отсюда истина понимается конкретно и предметно, как частный случай соответствия. Более же внимательное отношение к языку позволит сохранить различие общей и частной истины, о котором было сказано выше. Ведь как на вопрос «что такое число?» нельзя ответить «один баран», потому что один баран отличается от единицы, так и истина отлична от истинности, т.е. истинного высказывания. Когда кто-то говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, то он говорит истинное, но не истину. Истину нельзя говорить – высказывание о чем-то может быть истинным. Истина – не что-то конкретное, это не вещь и не моя мысль о ней.

Допустим далее, что знание – это истинность, т.е. частный случай истины, а всеведение¹⁸ – это истина сама по себе, т.е. совокупность всех знаний. В таком случае истина – это абстракция, возникающая путем обобщения частных истинностных значений. Такая абстракция подпадает под критику эволюционной эпистемологии. И.П. Мерку-

¹⁷ См.: Платон. Кратил 385b // Платон. Собр. соч. В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 615.

¹⁸ На теологические корни абсолютной истины исследователи указывали неоднократно. См., например: Меркулов И.П. Существует ли истина с точки зрения философии эволюционизма? // Многомерность истины; ред. А.А. Горелов, М.М. Новосёлов. М., 2008. С. 111–113.

лов, основываясь на классическом понимании истины как знания, пишет: «Из признания факта *продолжающейся* космической, биологической и культурной эволюции вытекает очень важное эпистемологическое следствие. Оказывается, что *в принципе вообще невозможно существование какого-то исчерпывающего, наиболее полного знания об окружающем мире, т.е. абсолютной истины*, пусть даже в форме абстрактно постулируемого, хотя и практически недостижимого, предела. Представление об абсолютной истине (и об относительных истинах как “крупницах” абсолютной), таким образом, было возможно только в рамках сугубо статической, не эволюционирующей картины мира, которая царила в умах людей на протяжении тысячелетий»¹⁹. Эта критика, по-видимому, справедлива в отношении истины как совокупности знаний, поскольку идеал не только практически недостижим, но и не существует в действительности, оставаясь вечно удаляющимся пределом. Ценность такой абстракции заключается в ее нормативном характере, который диктует непрерывное уточнение имеющихся данных, а поскольку процесс уточнения потенциально бесконечен, он не оставляет никаких шансов достичь актуальной истины. Однако если понятия знания и истины развести²⁰, то данная проблема снимается, потому что стремление к истине отлично от уточнения и накопления знаний.

Итак, классическая теория предполагает понимание истины как знания, которое распадается на конкретное знание (истинность) и всеведение (истина), иначе говоря, относительную и абсолютную истину. Истина как конкретное знание недостаточна, а как всеведение недостижима. Значит, нужно либо вообще отказаться от понятия истины, либо придать ему другой смысл.

Истина истинна. Выходом из сложившейся ситуации может стать разведение понятий истины, критерия и знания. По крайней мере это позволит исключить некоторые трудности, которые возникают в связи с корреспондентной теорией истины. Их можно свести к трем основным: неясность термина «соответствие», необходимость критерия для установления соответствия, и уточнение знания²¹.

Вопрос критерия. Предположим, человек заблудился в лесу, он смотрит по сторонам и не знает, в какую сторону пойти. Понятно, что он будет руководствоваться любыми критериями, какие только сможет вообразить, выбирая из них самые достоверные. Допустим, на-

¹⁹ Там же. С. 121.

²⁰ К необходимости этого различия пришел, правда, на иных основаниях, А.Ю. Антоновский; см.: О различии истины и знания (или о том, где в знании коренится социальность) // Понятие истины в социогуманитарном познании; отв. ред. А.Л. Никифоров. М., 2008. С. 86.

²¹ Кратко и ясно эти проблемы формулируются в статье: Никифоров А.Л. Корреспондентная теория истины // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 392–393.

правление на север соответствует кратчайшему пути домой, путь на восток ведет в соседнее село, а оставшиеся два ведут в болото и глухой лес. Как узнать, куда идти? Понятие истины как соответствия действительности не поможет человеку сделать выбор, потому что он не знает, какое направление соответствует пути домой, не знает результат (так же, как во втором примере Геттиера), однако оно дает ему кое-что другое, тривиальное, но не менее важное – уверенность в том, что путь домой есть. При неопределенном выборе, т.е. в процессе познания, руководствуются не результатом, не истиной, потому что она еще неизвестна, а вспомогательными критериями. Истина – это цель, а не средство. Поэтому вопрос о критерии – это вопрос не об истине в собственном смысле слова, а о способах ее достижения, о средствах поиска, которые могут быть сколь угодно извилисты. И хотя наиболее важные критерии (когеренция, прагматизм и проч.) не позволяют безошибочно проводить границу между истиной и ложью, они все же являются важными вспомогательными средствами, устраняющими хотя бы часть ошибочных предположений. В конце концов реальный процесс познания настолько причудлив, что он в принципе не поддается догматизации. Познание – жизнь мышления, его нельзя исчерпать критериями, да и не нужно.

Развитие знания. Соответствие мысли и действительности может иметь разный объем, а общее и частное знания есть именно содержание истины, тогда как ее форма – сам принцип соответствия – остается пустой. Поэтому если различать истину и знание, то факт развития знания не будет вступать в противоречие с корреспондентной теорией, которая фиксирует лишь разные уровни соответствия, необходимые в данный период времени, при конкретных обстоятельствах, в определенном отношении, тем самым снимая претензию на абсолютизацию. В самом деле, как мы можем узнать, что соответствует действительности, а что нет, если мы до конца не знаем, что такое действительность? На основании чего я могу констатировать полное или частичное соответствие, если я только познаю действительность? Это процесс обретения знания, но еще не конечный результат. Соответствие может пониматься и как тотальное, т.е. отражающее конечное знание, и как частичное, соответствующее конкретным вещам. Первое недостижимо, второе недостаточно. Если же мы различаем истину и знание, то данная проблема снимается, поскольку истина относится только к формальному принципу соответствия познания и познаваемого, безотносительно к содержанию. Это приводит к вопросу о том, что же такое соответствие?

Неясность понятия «соответствие». Хотя употребление этого понятия в релевантных контекстах всегда интуитивно ясно, следует указать на то, что без него вообще можно обойтись. Платон и Аристотель им не пользуются, поэтому их концепцию следует назвать классической в отличие от корреспондентной, которая, как было показано

выше, появляется несколько позднее. Преимуществом такого способа выражения является не только отсутствие метафоры соответствия, но и обращение к понятию бытия, которое впоследствии было заменено более проблематичными терминами «действительность» и «реальность». Согласно классической концепции, говорить, что связанное связано, а развязанное развязано, значит говорить истинное. Иными словами, это значит говорить о том, что есть, так, как есть. Соответствие здесь выражается словами «так, как»: описание ситуации так, как она есть, предполагает ее верное понимание. Умение отличать то, что есть, от того, чего нет, – это умение отличать истину от лжи, или навык мыслить рационально. Не стоит забывать, что возникновение классической теории происходит на фоне отделения логоса от мифа, научного мышления от мифологического. Г. и Г.А. Франкфорт подметили весьма существенную черту мышления древнего человека: «Различие между субъективным и объективным знанием лишено для него смысла. Бессмысленно для него и наше различие между реальностью и видимостью. Все, что способно воздействовать на ум, чувство и волю, тем самым утверждает свою несомненную реальность... Для мифопоэтического склада ума “то, что волнует” равнозначно “тому, что существует”»²². Возможно, это некоторое преувеличение, но все же кое-что важное эта характеристика в себе несет, ибо благодаря философии Парменида происходит революция в сфере мышления, в результате которой *бытие становится критерием мысли*, и именно это составляет ядро классической концепции. Отныне и впредь мышление будет ориентироваться на бытие.

Пришло время подвести итоги. Чтобы не блуждать в трех соснах, необходимо различать понятия истины, знания и критерия. Прежде всего истину следует отличать от ее критериев, которые служат целям познания. В результате мы обретаем знание, которое также нужно отличать от истины, ибо конкретного знания недостаточно для того, чтобы называть его истиной, а всеведение недостижимо. Как следствие основные трудности, связанные с классической теорией, теряют свою остроту, поскольку обуславливаются, главным образом, пониманием истины как знания. Кроме того, теорию истины можно сформулировать таким образом, чтобы она обходилась без понятия соответствия, но при этом сохраняла его позитивный смысл, как это сделал, например, А. Тарский: высказывание «снег бел» истинно тогда и

²² Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984. С. 32. Как справедливо отмечает А.Л. Никифоров, формулировка классической теории истины была «одним из величайших философских открытий: теперь из конгломерата мифологических, мистических идей, сплетенных с предрассудками, фантазиями и крупными повседневному опыту, можно было выделить те мысли и представления, которые давали адекватную картину окружающего мира» (Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании; отв. ред. А.Л. Никифоров. М., 2008. С. 5).

только тогда, когда снег бел²³. Для того чтобы узнать, как именно обстоят дела, привлекаются *критерии познания*, но не истины, ибо истиннее истины ничего нет. С этой точки зрения истина не есть ни знание (результат), ни познание (процесс, нуждающийся в критериях), которые возможны благодаря истине, а лишь формальное требование, определенный уровень строгости мышления ориентированного на бытие. Открытие такого способа мышления стало интеллектуальным прорывом для своего времени, и нужно сказать, что европейская цивилизация до сих пор живет и действует в этой парадигме (а в условиях глобализации – и все остальные).

И все же истина манит к себе как некий трансцендентный идеал, а потому задача мышления, быть может, сегодня заключается в том, чтобы пойти дальше древних греков, т.е. научиться мыслить глубже, чем просто находить некое соответствие мысли и сущего. Ведь мы еще не подошли к самой истине, а лишь научились мыслить рационально. Но как это сделать? На это я хотел бы ответить словами Платона, который упоминает об одной древней традиции: «Переводя ко-го-нибудь вброд, Теэтет, проводник, говорит: “Река сама покажет”. Так и здесь: если мы продолжим исследование, то само искомое по ходу дела откроет нам возникающие препятствия, если же мы будем стоять на месте, мы ничего не узнаем»²⁴.

²³ Тарский А. Семантическая теория истины и основания семантики // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М., 1998. С. 90–129.

²⁴ Платон. Теэтет 200 е // Платон. Собр. соч. В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 262 (перев. Т.В. Васильевой).